

Ольга Войцова, Светлана Хмелевская*

ОБОСНОВАНИЕ ЭПИСТЕМИЧЕСКОГО АВТОРИТЕТА**

ПОТЕНЦИАЛ ЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ РЕСПОНСИВИЗМА

Получено: 04.10.2021. Рецензировано: 25.11.2021. Принято: 10.02.2022.

Аннотация: В статье предпринята попытка осмыслить обоснование эпистемического авторитета в либеральной модели респонсивизма с целью определить эвристический потенциал предложенной в его рамках аргументации, а также показать проблемные поля, перспективные с точки зрения концептуализации эпистемического авторитета. Выявляются достоинства модели, среди которых — попытка объяснить механизм действия авторитета, выявить, как происходит ранжирование авторитетов в случае их конкурентного взаимодействия; выделить основания подчинения авторитету со стороны индивида. В качестве недостатков модели указываются игнорирование содержательной стороны эпистемического авторитета, абстрагирование от условий формирования механизма доверия, а также принципов, обуславливающих выбор между эпистемическими авторитетами. Доказывается, что стремление построить неклассическую эпистемологию как систему форм постижения бытия, функционирующую на единых эпистемологических основах, при обосновании эпистемического авторитета приводит либо к формализму, либо к редукции одной формы постижения бытия к другой. Понимание в соответствии с эпистемическими добродетелями либеральной модели респонсивизма познающего субъекта как «честного, рационального, автономного актора» оценивается как идеальная модель, построенная на сильных допущениях. К числу перспективных задач исследования отнесены затрагиваемые респонсивизмом проблемы конкуренции эпистемических авторитетов в современном обществе и изменение места науки в данном противостоянии.

Ключевые слова: эпистемология, добродетели, эпистемология добродетелей, респонсивизм, Линда Загзебски, эпистемический авторитет, формы постижения бытия.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-3-157-180.

Вопрос о том, как получить истинное знание и удостовериться в том, что оно именно истинное, относится к числу вечных проблем философии. С формированием неклассической эпистемологии, настаивающей

*Бойцова Ольга Юрьевна, д. полит. н., профессор; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва), olga.boitsova@gmail.com, ORCID: 0000-0002-8284-8915; Хмелевская Светлана Анатольевна, д. филос. н., профессор; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва), xmelevsk@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0119-405X.

**© Бойцова О. Ю.; Хмелевская С. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

на том, что к истине с равным успехом могут вести самые различные познавательные практики, активизировались и обострились дискуссии об эвристическом потенциале различных форм постижения бытия и соотношении знания, мнения, убеждения и веры. В попытках определить условия успешности познавательных процедур было выдвинуто понятие «эпистемический авторитет» (*epistemic authority*). Оно должно было способствовать прояснению тех оснований, по которым полученное знание может быть признано и признается истинным. Учитывая важность той роли, которая ему отводится, неудивительно, что связанная с ним проблематика превратилась в оживленно обсуждаемую тему.

В зарубежной и отечественной научной литературе идут споры о правомерности и перспективности введения понятия «эпистемический авторитет» в инструментарий теории познания (Гаспаров, 2017; Каримов, 2017; Intellectual, 2003; Raz, 1986; 2006). Опубликованы труды, в которых анализируется специфика неклассического этапа развития эпистемологии и места, отводимого в ней научному знанию, описывается становление и развитие этики добродетели — одного из влиятельных современных философских направлений, оказавшего определяющее влияние на разработку аретической эпистемологии в целом и проблематики эпистемологического авторитета в частности, дается характеристика различным подходам к трактовке «эпистемических добродетелей» etc. (Порус, 2021; Fuller, 2020; Каримов, 2019; Лекторский, 2001; Хмелевская, 1997; Pritchard, Millar, Haddock, 2010; Turri, & Alfano & Greco, 2019). Но несмотря на высокий интерес к проблеме эпистемического авторитета, данную тему ни в коей мере нельзя считать исчерпанной.

В настоящей статье мы анализируем аргументацию, выдвинутую сторонниками такой версии аретической эпистемологии, как респонсизм, с целью определить эвристический потенциал этой модели и выявить пределы ее релевантности. Поскольку это направление опирается на определенную этико-философскую традицию и использует особый понятийный аппарат, представляется целесообразным начать с прояснения концептуальной основы, на которой строятся трактовка эпистемического авторитета и обоснование его роли в постижении истины. В качестве такой основы выступает неоаристотелизм. Соответственно, наша задача заключается в выявлении и описании тех проблемных полей, которые возникают в результате данного способа актуализации философии Аристотеля и оказывают существенное влияние на аретическую концепцию эпистемического авторитета.

Далее мы переходим к детальному рассмотрению теории эпистемического авторитета одного из ведущих представителей респонсибилизма Линды Загзебски, аргументация которой по праву может считаться образцовой для данной версии аретической эпистемологии. Свою теоретическую модель Загзебски называет либеральной, поскольку строит свои рассуждения опираясь на принцип аналогии между авторитетом в познании и авторитетом в политической практике, т. е. предлагая трактовку эпистемического авторитета «исходя из тех же оснований, на которых базируется защита идеи политического авторитета в традиции политического либерализма» (Загзебски, Карпов, 2017: 106). Мы анализируем три базовых принципа ее модели, которые в данной теории получили названия «независимость от содержания», «приоритетность» и «стандартное обоснование». Поскольку задача заключается в выявлении эвристического потенциала предложенной модели, ее решение подразумевает определение сильных и слабых сторон аргументации, а также обозначение проблем, требующих дальнейшего исследования.

В заключение формулируются выводы о сильных и слабых сторонах теории эпистемического авторитета респонсибилизма, а также рассматриваются возможные перспективы концептуализации эпистемического авторитета и обоснования его роли в процессе познания.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ЭПИСТЕМОЛОГИИ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ И ПРОБЛЕМА ЭПИСТЕМИЧЕСКОГО АВТОРИТЕТА

ТЕРМИНОЛОГИЯ И ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Термин «эпистемология добродетелей» используется для обозначения направления, которое оформилось в западной философии в 80-е гг. XX в. в ходе дискуссий о ценностно-нормативном измерении процесса познания. Название этого направления на русском языке представляет собой кальку с английского *virtue epistemology*, где словом «добродетель» (*virtue*) передано важное для древнегреческой философии понятие *αρετή*, поэтому в качестве синонимов «эпистемологии добродетелей» обычно употребляются словосочетания «аретический подход в эпистемологии» и «аретическая эпистемология».

Нельзя не заметить, что *αρετή* имело и иные значения: «доблесть», «отвага», «умение», «превосходные свойства» и даже «мощь». Так что если бы англоязычными представителями данного течения в качестве самоназвания был выбран другой вариант перевода — к примеру, *valour*

epistemology или *skill epistemology*, — то его концептуальная основа была бы выражена более четко и прозрачно. Под «аретической эпистемологией» в таком случае понималась бы теория познания, которая акцентирует определенные когнитивные способности (будь то интеллектуальная смелость или же высший уровень познавательных навыков), значимых для достижения истины. Но выбор был сделан в пользу *virtue*, и это изначально задавало исследовательскую стратегию, ориентирующуюся не на когнитивистику, а на этику.

При этом произошло наслаение двух версий трактовки добродетели. С одной стороны, употребление данного термина в контексте западной философской мысли не могло быть полностью независимым от христианской традиции, считающей добродетелью «прилежное попечение о добрых делах вообще» (Тит. 3:8) — стремление к благим деяниям и исполнение установленного Богом нравственного закона, необходимое для спасения. С другой стороны, уже само формирование этики добродетелей связано с попыткой отказаться от религиозных оснований моральной философии. Британский философ Элизабет Энском, стоявшая у истоков аретического подхода, аргументировала необходимость такого пересмотра тем, что в современном мире вера в божественный закон утратила влияние и более не может служить фундаментом морали (Anscombe, 1958). В качестве альтернативы она и предложила обоснование, опирающееся на философию Аристотеля.

Как известно, Стагирит понимал под добродетелью «наилучшее состояние», не ограничивая ее сферой морали (Аристотель, Миллер, 1984: I. 4. 1185a. 36–39). В этой оптике добродетельной можно называть любую деятельность, отвечающую своему назначению и выполненную добросовестно, в том числе и познавательную. Вслед за Аристотелем аретическая эпистемология стала понимать под добродетелями такие качества или особенности познающего субъекта, которые позволяют получить достоверное знание и /или добиться признания этого знания истинным. У самого Аристотеля такие добродетели обозначены как дианоэтические, сегодня их также называют мыслительными, интеллектуальными или эпистемическими, причем все эти именования используются в качестве синонимов. Тезис о том, что познание напрямую зависит от данных добродетелей, в аретической эпистемологии стал программным.

ПОСЛЕДСТВИЯ ОБРАЩЕНИЯ К АРИСТОТЕЛИЗМУ

Трактовка *virtue* в оптике аристотелизма определила несколько особенностей, важных для аргументации эпистемологии добродетелей в целом и для понимания эпистемологического авторитета в частности.

Этизация эпистемологии и обращение к авторитету. Мы полагаем, что в аретической эпистемологии так и не состоялось разделения интеллектуальных и моральных добродетелей, подобно тому как это было у Аристотеля, делившего их на этические и дианоэтические. Скорее произошла редукция к этике: добродетели, действующие в сфере познания, стали описывать как моральные, либо полностью, либо частично акцентируя их моральные аспекты. В результате произошло переосмысление когнитивных навыков и познавательных установок в ценностно-нормативном духе, они «обросли» этическими регулятивами. Например, способность получить истинное знание была дополнена условиями «чистоты помыслов» и недопустимости распространения ложных сведений, а требования фундированности и доказательности выводов — принципами ответственности и добросовестности познающего субъекта.

Если вводится модус должностования, то сразу же возникает необходимость объяснить, почему именно этим требованиям необходимо следовать и каким образом обеспечивается реализация предписаний. Очевидно, что в таком контексте логичным оказывается обращение к проблематике авторитета, который, в отличие от насильственного принуждения, может являться для познающего субъекта объектом доверия, нормативным ориентиром, а также арбитром и высшей инстанцией легитимации полученных результатов. Это объясняет, почему проблематика эвристического авторитета находится в центре внимания аретической эпистемологии, в которой сформировался весьма объемный и содержательно емкий блок исследований, посвященных природе авторитетного воздействия и особенностям нормативных высказываний в познавательных практиках, структурным характеристикам эпистемического авторитета, его носителям и силе его влияния на познающего субъекта (Загзевски, Карпов, 2017; Alfano, 2012; Code, 1984; Greco, 2012; Raz, 2006; Sosa, 2007; Zagzebski, 2012).

Каталогизация эпистемических добродетелей. Особое дискуссионное поле мы усматриваем во многочисленных попытках осовременить и детализировать перечень предложенных Аристотелем дианоэтических добродетелей, в который, как известно, входили способность к науке

и искусству, знание, мудрость, сообразительность, рассудительность (Аристотель, Брагинская, 1983: I. 13). В этой сфере консенсус не достигнут. Например, существенно различаются «наборы» эпистемических добродетелей в релайабиллизме (от *reliable*) и респонсибиллизме (от *responsible*). Первые — Э. Соуза, Дж. Греко, Д. Притчард, Э. Голдман — ставят акцент на надежности познавательных процедур, причисляя к добродетелям когнитивные способности, гарантирующие успех познания: развитую память, острое зрение, хороший слух, способности к дедукции и индукции. Вторые — Л. Коуд, Дж. Монтмаркет, Дж. Рац, Л. Загзебски — либо на свойства души познающего субъекта, такие как интеллектуальная честность и тщательность, либо на правила, соблюдение которых ведет к истине.

Помимо различия в понимании того, что следует считать интеллектуальными добродетелями, эти две стратегии по-разному определяют основную интригу в обосновании эпистемического авторитета. Релайабиллизм стремится определить его параметры с позиций оценки гносеологического статуса и праксеологической ценности получаемого результата познания, а респонсибиллизм анализирует его в нормативном ключе, пытаясь описать механизм его возникновения и функционирования независимо от того, о какой конкретно сфере постижения бытия идет речь. При этом центр тяжести смещается на анализ условий возможности эпистемического авторитета как такового.

Легитимация эпистемического авторитета. Особый ракурс проблемы мы видим в стремлении обосновать статус самого эпистемического авторитета. В классической эпистемологии этот вопрос решался просто: высшим авторитетом, легитимирующим полученное знание, была наука как определенный тип познавательной практики, и результаты познания могли признаваться истинными, если соответствовали критериям научности. С легкой руки Т. Куна и его последователей статус авторитета перешел от науки как специфического комплекса эпистемологических норм к научному сообществу, принимающему конкретную парадигму исследований. Следующим шагом на пути развития неклассической эпистемологии стал акцент на то, что такую функцию может выполнять не только научное, но и любое другое сообщество, если оно задает оптику и критерии успешности определенного способа постижения бытия. Так, Э. Соуза еще на заре становления аретической эпистемологии заострял внимание на том, что при определении факторов, влияющих на процесс познания,

следует с должным вниманием относиться не только к субъекту и его внутренней природе, но и к его окружению и *значимому для него эпистемическому сообществу* (*курсив наш.* — О. Б., С. Х.; Sosa, 1980: 23).

А со временем в трудах представителей данного направления в качестве носителя эпистемического авторитета наряду с таким «виртуальным» сообществом стали указываться и реальные коллективы, и даже отдельные лица, а также неодушевленные предметы и источники информации (приборы, базы данных, компьютерные программы и проч.), если они выполняют указанные функции (Montmarquet, 1993; Raz, 2006; Zagzebski, 2003). Таким образом, эпистемический авторитет как нормативный ориентир познания и высшая инстанция признания его результатов оказался связанным не только с определенной познавательной практикой, но и с ее социальным контекстом, который, в свою очередь, легитимируют выдвигаемые данным авторитетом нормы и требования к познающему субъекту.

Конкуренция эпистемологий и выбор эпистемического авторитета. Мы полагаем, что при таком подходе с необходимостью возникает вопрос о том, является ли эпистемический авторитет единым для всех форм постижения бытия, т. е. сохраняет ли он правомочность и нормативную значимость вне зависимости от конкретной познавательной практики. Если ответ положительный, то, к примеру, оценка результатов религиозного или художественного познания должна определяться так же, как и в сфере научных исследований. Если отрицательный, то это означает признание автономии разных эпистемологий и, соответственно, множественности эпистемических авторитетов. Таким образом, в рамках каждой эпистемологии действует свой авторитет, поскольку каждая из них постулирует свой комплекс норм, которые задают образец познания и легитимируют его результаты.

Аретическая эпистемология дает отрицательный ответ. В этом мы усматриваем существенное влияние аристотелизма, а именно — идеи различения способов познания и соотношения их с определенной дианоэтической добродетелью. Напомним, что у Стагирита мудрость воплощается в философии; сообразительность и рассудительность — в практическом, обыденном знании; наука и искусство, как особые способности и состояния души, сами по себе выступают в статусе добродетели (Аристотель, Брагинская, 1983: I. 13. 1103a. 5–10). Отталкиваясь от этого положения, аретическая эпистемология придала принципу плюрализма интеллектуальных добродетелей, соотносенных с разными формами постижения

бытия, стратегический характер: наука, религия, обыденное знание, искусство признаются в равной мере пригодными для получения истинного знания. Таким образом, каждая из них задает свой эпистемический авторитет и успешно работает в границах собственной эпистемологии.

При таком подходе получается, что на человека одновременно могут оказывать влияние несколько эпистемических авторитетов. А значит, встает задача выстраивания их иерархии. Что делать при несовпадении критериев успешности познания, предлагаемых, к примеру, наукой и обыденным опытом? Как быть в случае существенных расхождений, а уж тем более при конфликте результатов познания, полученных в рамках разных эпистемологий? Возможно ли — и если да, то по каким основаниям — ранжировать эти авторитеты и какая инстанция является высшей при принятии решения о приемлемых путях поиска истины или же критериях признания истинным того или иного результата познания? Если признавать способность каждой формы постижения бытия получать истинное знание и, соответственно, определять свою версию эпистемического авторитета, то придется согласиться с тем, что победа при разрешении подобных коллизий всегда будет доставаться той из них, чей авторитет считается высшим.

Таким образом, возникает проблема конкуренции эпистемологических стратегий и встает задача теоретического обоснования предпочтительности конкретного ее варианта. Ее сложно игнорировать, но аретической эпистемологии это удастся: она, как правило, выносит проблему авторитетности конкретных форм постижения бытия за скобки. Мы полагаем, что в этом заключается определенное лукавство: с одной стороны, «по умолчанию» на вершине иерархии вроде бы остается наука, но, с другой, при необходимости — к примеру, при обосновании эпистемической легитимности религиозной веры — актуализируется идея равноправия всех авторитетов (Sosa, 2007).

Отмеченные нами особенности концептуализации эпистемологического авторитета, связанные с рецепцией и актуализацией аристотелизма, нашли отражение во всех версиях аретической эпистемологии. Среди этих версий особое место занимает теория американского философа, заведующей кафедрой философии религии и этики Кингфишер-колледжа в Университете Оклахомы Линды Тринкаус Загзебски, в которой принята попытка не только обозначить важные для процесса познания интеллектуальные добродетели, но и снять проблему конфликта эпистемических контекстов. Нам представляется важным оценить успешность этих усилий.

КАК ВОЗМОЖЕН ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ АВТОРИТЕТ:
ЛИБЕРАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ Л. ЗАГЗЕБСКИ

Как уже отмечалось выше, Линда Загзебски стремится к построению и обоснованию базовой теоретической модели эпистемического авторитета (Загзебски, Карпов, 2017; Intellectual, 2003; Zagzebski, 1996; 2003; 2010; 2012). На основе анализа ее работ можно предположить, что для достижения своей цели она считает необходимым решить три задачи:

- ◇ во-первых, объяснить механизм действия авторитета как такового;
- ◇ во-вторых, выявить, как происходит ранжирование авторитетов в случае их конкурентного взаимодействия;
- ◇ в-третьих, определить основания подчинения авторитету со стороны свободного индивида.

В результате должна получиться теоретическая конструкция, в которой эпистемический авторитет займет свое место в структуре человеческого познания и социального действия. При этом планируется гармонично сочетать значимость социального целого с ценностью свободной воли и автономии индивида, а также единство сообщества с идейным плюрализмом. Загзебски предполагает, что поставленные задачи можно решить на основе трех базовых принципов, которые она формулирует, отталкиваясь от концепции Йозефа Раца (Raz, 1986; 2006).

ПРИНЦИПЫ Л. ЗАГЗЕБСКИ

Первый — принцип независимости от содержания (*authoritative utterance thesis*), или анализ авторитетного высказывания. Принимая его, Загзебски стремится обнаружить механизм формирования и действия эпистемического авторитета как такового, т. е. объяснить возможность замены доверия к себе доверием к чему-то или кому-то внешнему по отношению к субъекту. Эпистемический авторитет предстает в виде единого для всех форм постижения бытия механизма. Это означает, по сути, признание базового единства различных эпистемологий — будь то на основе редукции к формальным нормам или же в логике кантовского трансцендентального субъекта.

Для самой Загзебски такая редукция ассоциируется с подходом либеральной политической философии, в которой политический актор рассматривается как рациональный автономный атомарный индивид вне зависимости от его включенности в конкретные социальные практики. Такой актор способен не только осознавать свои предпочтения, но и ранжировать их по степени значимости. Выбор этого актора свободен и потому однотипен в любых контекстах: он всегда выстраивает

стратегию поведения, позволяющую максимизировать достижение приоритетной цели.

Нечто подобное философ пытается обнаружить и в сфере познания. Субъект во всех познавательных практиках, независимо от их специфики, делает выбор в пользу доверия чему-то (или кому-то), имеющему статус авторитета, и готов «поступать так, как велит ему авторитет, т. е. независимо от того содержания, которое вкладывается в речь этого авторитета» (Загзебски, Карпов, 2017: 96). Тем самым нивелируется различие форм постижения бытия и смягчается позиция в вопросе о плюрализме эпистемологий: все они оказываются изоморфными с точки зрения механизмов познания и различными лишь по «наполнению». Такой подход позволяет представить совокупность форм постижения бытия в гегелевском духе: каждая из них занимает свою нишу в общей системе познания, а наличие одинаковых механизмов, в том числе и механизма формирования эпистемического авторитета, делает указанную систему цельной, развивающейся по единым основаниям в пространстве духовной культуры. Тем самым решается и проблема легитимации различных эпистемических авторитетов: они оказываются равнозначными и относительно автономными, но в то же время аналогичными, «соприродными» друг другу. Каждый из них — именно в силу того, что он возникает и работает по одним и тем же правилам, — правомочно устанавливает нормы познания и служит основанием для действия в соответствии со «своей» эпистемологией.

Второй — *принцип приоритетности (pre-emption thesis)* — относится к выбору субъекта познания в условиях плюрализма эпистемических образцов. Если первый принцип ставил вопрос о смене агента доверия, то второй говорит о предпочтении одного из кандидатов на статус авторитета. Загзебски ставит акцент на том, что в этом случае

действие по велению авторитета означает, что субъект должен принять директиву, данную авторитетом, как обоснование для совершения действия, заместив при этом данные другими людьми обоснования как в пользу, так и против совершения этого деяния (там же: 100).

При этом Загзебски пишет (Zagzebski, 2014: 176–177):

...тот факт, что у авторитета есть убеждение *p*, является для меня причиной верить в *p*, и эта причина не просто добавляется ко всем иным моим причинам, имеющим отношение к вере в *p*, а замещает их.

Философ полагает, что такой подход позволяет показать механизм связи предписанной нормы и реального поведения. Норма в данном случае имеет и эпистемическую, и праксеологическую силу: она не только влияет на то, версия какой из форм постижения бытия признается наиболее авторитетной, но и побуждает к действиям в соответствии с тем знанием, которое признается истинным. Очевидно, что в центре внимания в данном случае оказывается проблема доверия и ранжирования степени этого доверия.

Важно, что решение, какому из авторитетов доверять, согласно Загзебски, принимает сам индивид. И в этом случае субъект познания она трактует по аналогии с политическим актором, каким он предстает в либеральной философии. Правильное решение он способен принять в силу присущей ему свободы выбора и на основе рационального расчета (Zagzebski, 2010). Делая акцент на собственном решении индивида подчиниться авторитету и его личном выборе в пользу конкурирующих вариантов, философ стремится показать, что авторитетное воздействие не носит ни насильственного, ни манипулятивного характера. Доверие к эпистемическому авторитету не лишает субъекта познания ни одной из значимых для либеральной философии характеристик, не заставляет его следовать однозначно предписанным нормам, а предлагает ему выбор в ситуации плюрализма возможностей. Таким образом Загзебски моделирует ситуацию в познании, которая призвана воспроизвести социально-политические условия открытого демократического общества, т. е. сочетать общесоциальные ценности с сохранением принципа свободы воли индивида.

Для объяснения того, что заставляет субъекта познания прибегать к авторитету, а не полагаться только на себя, Загзебски вводит третье положение, которое называется *принцип стандартного обоснования* (*normal justification thesis*). Этот принцип у Загзебски разделяется на *два обоснования эпистемического авторитета* (*justification of epistemic authority theses*). Они фиксируют основание, по которому субъект может доверять авторитету другого человека, во-первых, в том что признавать истиной, а во-вторых, почему именно это признавать истиной (Zagzebski, 2014: 177):

Первый утверждает, что авторитет убеждений другого человека для меня оправдан моим добросовестным суждением о том, что у меня больше шансов сформировать истинное убеждение и избежать ложного убеждения, если я буду верить в то, во что верит авторитет, если я попытаюсь выяснить, во

что верить самому. Во втором говорится, что авторитет убеждений другого человека для меня оправдан моим добросовестным суждением о том, что у меня больше шансов сформировать убеждение, которое выдержит мои добросовестные размышления, если я буду верить в то, во что верит авторитет, если я попытаюсь выяснить, во что верить самому.

Как видно, и в том, и в другом случае третий принцип объясняет готовность добровольно подчиняться авторитету на основании целесообразности: человек, будучи добросовестным и рациональным познающим субъектом и обладая автономией как свободная личность, может признавать и признает эпистемический авторитет как средство более эффективного достижения собственных целей. Нельзя не заметить, что в данном случае фактически воспроизводится аргумент Ч. Пирса, апеллировавшего к авторитету как одному из методов разрешения сомнений. В его учении критерием праксеологической истинности является эффективность, а не достоверность в гносеологическом смысле (Пирс, Голубович и др., 2000: 245):

Мы можем воображать, что этого для нас недостаточно и что мы ищем не просто мнения, но истинного мнения. Однако подвергните эту фантазию проверке, и она окажется беспочвенной; ибо как только достигну устойчивое верование, мы будем полностью удовлетворены, вне зависимости от того, будет ли это верование истинным или ложным.

Такое стремление заменять истинность эффективностью довольно часто встречалось в философских, политических и экономических учениях XX в. В этой связи можно было бы вспомнить провокативное суждение П. Фейерабенда, что с точки зрения эффективности миф сделал больше науки: он создал культуру (Фейерабэнд, Никифоров, 1986). Подход, связывающий рациональность с эффективностью и целесообразностью, с одной стороны, и свободой воли, с другой, был детально разработан в последней трети двадцатого столетия в либеральной философии, представленной теорией справедливости Дж. Ролза и теорией рационального выбора Дж. Бьюкенена. Концепция Загзебски также отдает дань такой оптике. Она утверждает (Загзебски, Карпов, 2017: 99):

Эпистемический авторитет [...] обосновывается для меня моим же сознательным решением о том, что я скорее сформирую истинное убеждение и избежу ложного, если доверюсь тому, что сообщает мне авторитет, а не стану устанавливать истину самостоятельно.

Действительно, по мере развития информационно-коммуникационных технологий увеличивается объем сведений, который человеческому мозгу приходится перерабатывать в условиях ограниченности времени. Неполнота информации, погрешности в ее обработке, наличие «сложных динамичных условий, включающих значительную степень неопределенности» (Саймон, Козлова и Бланко, 1993: 37) — а именно в них субъекту приходится принимать решения — все это превращает опору на авторитет в условие не только оптимального с точки зрения эффективности, но и просто практически любого действия.

Носителем эпистемического авторитета у Загзебски оказывается общество, в которое включен человек. Коллективные цели, интересы и ценности влияют не только на социализацию индивида и его нравственное становление, но и на эпистемические приоритеты, поскольку в ее теории, как и в аретической эпистемологии в целом, интеллектуальные добродетели существенно этизированы. В то же время Загзебски и в этом случае соблюдает принцип плюрализма возможностей. Прежде всего, она признает возможность для человека по своей воле выбирать, разделять ли общие ориентиры, предлагаемые сообществом, или бороться с ними. Кроме того, такая же свобода сохраняется за индивидом в выборе в качестве носителя авторитета одного из локальных сообществ — например, ассоциации, клуба, церковной общины, etc.

ЛАКУНЫ И «НЕУДОБНЫЕ ВОПРОСЫ»

Теоретическая модель «чистого» эпистемического авторитета производит впечатление цельной и хорошо продуманной. Она используется Загзебски для того, чтобы подчеркнуть структурное и функциональное единство различных видов познания — прежде всего для утверждения эпистемической равноценности научного и иных типов знания. При этом выбор между авторитетами, предлагаемыми различными эпистемологиями, отнесен к прерогативе субъекта познания, свойства которого обозначаются по аналогии со свойствами рационального политического актора. Делая свободный выбор на основе рациональности, такой субъект ориентируется на принцип эффективности — минимизацию усилий и максимизацию возможностей в достижении целей — и потому предпочитает следовать авторитету, сообщающему ему не только как именно следует познавать мир, но и какие именно результаты познания нужно признавать успешными.

Однако при более детальном рассмотрении предложенной модели обнаруживается, что ряд важных теоретических проблем, вытекающих

из признания трех базовых принципов, в теории Линды Загзебски намеренно выносятся за скобки и остается нерешенным. Укажем только некоторые из вопросов, требующих прояснения.

Соотношение содержания и формы эпистемического авторитета. Прежде всего, встает вопрос о том, какая роль все же отводится содержанию эпистемического авторитета. Поскольку формальное уравнивание разных форм постижения позволяет нивелировать их специфику, получается, что при идентификации эпистемологий базовая нагрузка падает именно на содержание. Ведь если структурно эпистемические авторитеты разных познавательных практик одинаковы, то именно содержание определяет различие между ними. Насколько оправдано введение принципа независимости от содержания, если он не позволяет уловить значимую специфику различных эпистемологий?

Пределы влияния формы эпистемического авторитета. Если признавать приоритет готовности доверять перед предметом рассмотрения, то означает ли это, что при наличии такой готовности эпистемический авторитет конкретной формы постижения бытия сохраняет свою силу, несмотря на содержание знаний, которое продуцируется данной формой? К примеру, если речь идет об эпистемическом авторитете науки, то вытекает ли из этого требование признать достойными доверия любые рекомендации, отвечающие требованиям и критериям научности? И если да, то является ли эта ситуация точно такой же в случае авторитета религиозного или обыденного познания?

Единство и множество в сфере действия эпистемического авторитета. В теории Линды Загзебски констатируется наличие универсального механизма доверия, но остаются без объяснения причины, по которым он возникает. Имеется лишь ссылка на то, что коллективный субъект познания более информирован и опытен, и потому обращение к нему — эффективный способ решения познавательных задач. Однако эта ссылка не объясняет, к примеру, раздробление общего в структурном и функциональном отношении механизма воспроизводства доверия на различные эпистемические авторитеты в разных познавательных практиках. Остается без ответа и вопрос о том, в силу чего возникает конкуренция «знающих и опытных» носителей коллективного знания и как автономный рациональный субъект оценивает степень компетентности каждого из конкурентов. Возможен ли «плохой» авторитет и как его отличить от «хорошего»?

Основания выбора между эпистемическими авторитетами. Если исходить, как это делает Загзебски, из наличия разных эпистемологий

и соответствующих им авторитетов, то что именно служит основанием для познающего субъекта при принятии им того или иного варианта? Например, почему в каком-то конкретном случае в качестве эпистемического авторитета познающий субъект признает нормы научного, а не мифологического или магиго-окультурного знания? Поскольку указаний на то, что способствует формированию тех или иных предпочтений индивида, в рассматриваемой теории нет, то данный вопрос также остается без ответа.

Соотношение нормы и действия. Насколько жесткими следует считать нормы, составляющие содержание эпистемического авторитета? Очевидно, что если авторитетное знание предписывает безальтернативные способы достижения поставленной цели, то проблем не возникает. Но какие механизмы действуют в тех случаях, когда имеется несколько возможных путей к желаемому результату? По каким основаниям ранжируются данные варианты?

Ограниченная рациональность и выбор эпистемического авторитета. Линда Загзебски подчеркивает рациональность субъекта познания, однако не поясняет, что именно она подразумевает под этой характеристикой. Если только возможность ранжировать предпочтения и выбирать стратегии, максимально приближающие к достижению приоритетных целей, то тогда игнорируется ряд важных для понимания индивидуального выбора моментов. В частности, ситуация ограниченной рациональности, которая обусловлена неравным доступом к информации или иным ресурсам и в которой субъекты познания заведомо оказываются в неравном положении. Что, к примеру, служит гарантией от ошибки в том случае, когда нормативное требование честности не выполняется? Неясно, как быть и со злоупотреблениями недобросовестных индивидов, которые претендуют на эпистемическое доверие и заверяют в истинности некоего утверждения. Ключевое слово здесь — «заверяют», но вопрос о том, действительно ли эти люди обладают истинным знанием либо только заявляют о его истинности, остается. Как познающий субъект может убедиться, что инстанция, выступающая в качестве эпистемического авторитета, не вводит его в заблуждение или не является «плохой»: только ли по последствиям действия, совершенного в результате воздействия данного авторитета? И как возможно оценить эти последствия и соотнести их именно с полученной рекомендацией, а, например, не с недостаточно точным следованием предписанию?

Конформизм и девиации. К числу вопросов без ответа относятся и те, которые связаны с механизмом перехода директивы в действие. Что

именно заставляет индивида следовать предписанной норме? Вряд ли достаточно ограничиться ссылкой на рационально просчитываемую эффективность «попкорного» поведения. Всегда ли есть связь между предписанием и поступком и что является причиной несоблюдения нормы?

Игнорирование этих и иных «неудобных» вопросов не отменяет необходимости дать на них ответы.

ПЕРСПЕКТИВЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЭПИСТЕМИЧЕСКОГО АВТОРИТЕТА

Проанализировав цели и результаты введения и использования принципа независимости от содержания в модели эпистемического авторитета Л. Загзебски, мы пришли к следующим выводам о возможных перспективах концептуализации эпистемического авторитета.

1. Оптика респонсбилизма неправомерно отказывается от существенно значимых демаркаций. Так, Л. Загзебски в стремлении к универсализации не только уравнивает все познавательные практики, но и не различает гносеологический и праксеологический виды истины, а также игнорирует различие рефлексивных знаний (об объектах в логике их бытия), с одной стороны, и знаний валлоативных (касающихся ценностного самоопределения субъекта) — с другой. Встречающиеся оговорки о том, что «нравственные убеждения не являются истинными в том смысле, в каком ими являются научные суждения (*scientific beliefs*)» (Загзебски, Карпов, 2017: 104), носят сугубо декларативный характер и в ходе аргументации не учитываются. Напротив, она последовательно проводит мысль об идентичности механизма эпистемического авторитета и для рефлексивных, и для валлоативных суждений. Также она не проводит различия и между типами ценностных суждений, игнорируя специфику суждений значимости и суждений ценности.

Мы же полагаем, что такое деление весьма продуктивно: если суждения значимости могут обосновываться по типу рефлексивного знания, когда объект раскрывается в собственной логике его бытия, то суждения ценности предполагают свободу выбора и иные способы их обоснования (Момджян, 2013: 80). Именно их различие делает невозможной полную идентичность механизма эпистемического авторитета в валлоативных и рефлексивных формах постижения бытия — например, в религиозной и научной эпистемологиях. И, наконец, нельзя не отметить, что в перспективе уравнивание феноменов разной гносеологической природы (авторитетов в науке, религии, обыденной жизни и пр.), по сути, означает легитимацию всех видов знания.

2. Требуется существенная корректировка трактовки познающего субъекта: предложенное респонсбилизмом понимание его как «честного рационального автономного актора» нельзя оценивать иначе, нежели как идеальную модель, построенную на сильных допущениях. Более корректным было бы ориентироваться на принцип ограниченной рациональности, согласно которому субъект делает выбор в пользу не максимизирующего варианта решения проблемы, а наиболее приемлемого для него в создавшихся условиях. Конечно, для упрощения поиска такого варианта вполне возможна и апелляция к авторитету. Сомнение вызывает лишь экстраполяция данного выбора на все виды познания. Это касается, во-первых, авторитетного воздействия в случае рефлексивного и валлоативного знания; во-вторых, индивидуального и коллективного субъекта эпистемического авторитета.

В случае рефлексивных суждений выбор эпистемического авторитета может ограничиться лишь согласием с утверждениями, прошедшими процедуры научного обоснования. Сходный механизм действует и в случае ценностных суждений значимости, поскольку последние требуют для своего обоснования обращения к некоей экспертной инстанции. Например, при решении отказаться от курения можно опираться на авторитетное мнение медицинского сообщества. В этом случае разницы действительно практически нет. Однако это вряд ли справедливо, если эпистемический авторитет касается суждений ценности, то есть подразумевает экзистенциальный выбор, когда «индивид не просто что-то узнает или приобретает, он [...] рискует, а вместе с тем меняет себя, свой душевный строй» (Гусейнов, 2003: 181). Так, для принятия эпистемического авторитета религиозного сообщества познающему субъекту требуется сделать экзистенциальный выбор в пользу той веры, которая разделяется данным сообществом. При этом не исключен риск попасть под обаяние «плохого авторитета» — это хорошо демонстрирует пример экстремистских организаций. Выбор «плохого авторитета», критерии разграничения его с «хорошим авторитетом» — одна из тех проблем, которая в аретической эпистемологии не разрешена.

3. В респонсбилизме не прояснены основания индивидуального выбора в условиях конкуренции и взаимной делегитимации авторитетов. Принятие принципа независимости от содержания и вынесение за скобки вопроса о детерминации предпочтений предельно заостряет проблему индивидуального решения. Но при этом удовлетворительного решения

этой проблеме не дается: ни ссылка на рациональный выбор автономной личности, ни принцип опоры на коллектив не представляются достаточно убедительными.

Сегодня в силу тенденции к размыванию эпистемического монизма и роста скепсиса по отношению к научной эпистемической нормативности познающий субъект все чаще оказывается в ситуации интеллектуальной аномии. Утверждение, что рационально самоопределяющийся индивид легче и быстрее достигнет целей, если будет опираться на чей-то авторитет, трудно оспорить. Но ссылка на авторитет сообщества, которое, с одной стороны, легитимирует определенную познавательную практику, а с другой, само, как носитель коллективного знания, служит для индивида «навигатором» в конкурентном поле эпистемических авторитетов, представляется сомнительным решением проблемы.

Тезис о том, что в коллективное лучше индивидуального, поскольку в сообществе, во-первых, аккумулируется знание многих, а во-вторых, возможностей для достижения целей больше, нельзя абсолютизировать. Вряд ли кто-то будет отрицать, что без эпистемического авторитета невозможны процессы социализации, обучения и пр. Вопрос заключается в том, сколь широко простирается власть данного авторитета применительно к личности. Нельзя забывать и о том, что коллектив может не только оказывать поддержку, но и подавлять индивидуальное, навязывать идеи и образы и подталкивать к определенным действиям. Тезис о свободном, автономном выборе индивида, по сути, означает, что познающий субъект обречен на постоянный критический анализ рекомендаций, формируемых эпистемическим авторитетом, а также инстанций, претендующих на эпистемическое доверие со стороны познающего субъекта. Иначе — вопреки всем заверениям — он утрачивает способность отличить собственные интересы от тех, которые его вынудили принять (Бодрийяр, Качалов, 2015).

4. Акцент на предписании в модели респонсibiliзма не сопровождается описанием механизма, заставляющего индивида данному предписанию следовать. Принцип приоритетности выводит рассуждения об эпистемическом авторитете за рамки собственно эпистемологии в область деонтологии и праксеологии: познающий субъект не только принимает какие-то знания в качестве авторитетных — последние становятся еще и основаниями его действий и поступков, обладая нормативностью. В целом же утверждение о нормативной силе логически не следует из авторитетности знания. С одной стороны, авторитет того или иного знания далеко не всегда ведет к его использованию в качестве основания

действия познающего субъекта. Поступок может базироваться на авторитете знаний (действие по велению авторитета), но при этом не каждое авторитетное знание является основанием поступка и обладает нормативностью. С другой стороны, нормативность, как основание поступка, вовсе не всегда опирается на эпистемический авторитет. К примеру, следование требованию остановиться на красный свет может базироваться не на эпистемическом авторитете правил дорожного движения, а на деонтическом авторитете, то есть авторитете вышестоящего лица или органа (Ивин, 2018: 99), или же вообще определяться страхом санкций, которые последуют в случае нарушения директивы.

Нормативно-этическая трактовка интеллектуальных добродетелей в аристотельской эпистемологии ставит познавательные практики в ту же ситуацию, что и мораль: нормативный комплекс оказывает на объективные процессы не прямое и не абсолютное воздействие и не предоставляет гарантий от ошибок и злоупотреблений в реальной жизни.

Столь же слабо в респонсibiliзме прописана связь между целью и средствами ее достижения. Наиболее ярко это заметно в тех приводимых Загзебски примерах, когда в качестве критерия выбора используются суждения по типу «лучше — хуже». В одном из них утверждается, что к цели мирного сосуществования сообщество лучше направляет то суждение, которое лучше обосновано (Загзебски, Карпов, 2017: 104). Но способы достижения мирного сосуществования могут заметно варьироваться — от поддержания паритета до установления гегемонии наиболее сильной державы, — и при этом каждая из стратегий может опираться на детально и всесторонне аргументированное решение. Вынося в этой ситуации вердикт «лучше» или «хуже», познающий субъект делает выбор средства достижения цели на основе уже сформированной системы ценностей. Таким образом, эпистемический авторитет на деле не влияет на решение, а лишь подкрепляет уже сделанный ценностный выбор.

Итак, можно утверждать, что в модели эпистемологического авторитета, предлагаемой респонсibiliзмом, налицо стремление, с одной стороны, вписать эту теорию в парадигму классической эпистемологии, а с другой, переосмыслить ее с позиций эпистемологии неклассической. Первое подтверждается своеобразной маскировкой под научность, в том числе апелляцией к рациональности познающего субъекта как главной гарантии правильного выбора эпистемического авторитета, а второе — стремлением уравнивать легитимность различных эпистемологий. В результате цельной теоретической системы построить не удалось.

Защищая позицию, согласно которой в качестве эпистемического авторитета может выступить любое знание, полученное в разных формах постижения бытия, респонсibiliзм наметил весьма интересную исследовательскую стратегию, а именно — изучение конкуренции эпистемических авторитетов в современном обществе в целом и изменения места науки в данном противостоянии в частности. То, что сама аретическая эпистемология не справилась с ее решением и просто вынесла ее за скобки, не умаляет значимости и не отрицает необходимости разработки данной проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель*. Никомахова этика / пер. с древнегреч. И. В. Брагинской // Сочинения. В 4 т. Т. 4. — М. : Мысль, 1983. — С. 53–294.
- Аристотель*. Большая этика / пер. с древнегреч. Т. А. Миллер // Сочинения. В 4 т. Т. 4. — М. : Мысль, 1984. — С. 295–374.
- Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. А. Качалова. — М. : Постум, 2015.
- Гаспаров И. Г.* Эпистемический авторитет и автономия эпистемического субъекта // Эпистемология и философия науки. — 2017. — Т. 53, № 6. — С. 108–122.
- Гусейнов А. А.* Античная этика. — М. : Гардарики, 2003.
- Загзевски Л.* Эпистемический авторитет. Современная либеральная защита / пер. с англ. К. В. Карпова // Эпистемология и философия науки. — 2017. — Т. 53, № 3. — С. 92–107.
- Ивин А. А.* Аксиология. — М. : Юрайт, 2018.
- Каримов А. Р.* Вызов ситуационизма для эпистемологии добродетелей // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2017. — № 11. — С. 10–15.
- Каримов А. Р.* Эпистемология добродетелей. — СПб. : Алетей, 2019.
- Лекторский В. А.* Эпистемология классическая и неклассическая. — М. : Эдиториал УРСС, 2001.
- Момджян К. Х.* Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. Ч. 1. — М. : Издательство Московского университета, 2013.
- Пирс Ч. С.* Закрепление верования // Избранные философские произведения / пер. с англ. К. О. Голубович, К. К. Чухрукидзе, Т. А. Дмитриева. — М. : Логос, 2000. — С. 234–265.
- Порус В. Н.* На пути к реформе системы эпистемологических целей и ценностей // Эпистемология и философия науки. — 2021. — Т. 58, № 2. — С. 34–42.
- Саймон Г. А.* Рациональность как процесс и продукт мышления / пер. с англ. К. Б. Козловой, М. А. Бланко // Thesis. — 1993. — № 3. — С. 16–38.

- Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки / пер. с англ. А. Л. Никифорова. — М. : Прогресс, 1986.
- Хмелевская С. А.* Система форм постижения бытия. — М. : Военный университет, 1997.
- Alfano M.* Expanding the Situationist Challenge to Responsibilist Virtue Epistemology // *The Philosophical Quarterly*. — 2012. — Vol. 62. — P. 223–249.
- Anscombe G. E. M.* Modern Moral Philosophy // *Philosophy : The Journal of the Royal Institute of Philosophy*. — 1958. — Vol. 33, no. 124. — P. 1–19.
- Code L.* Toward a “Responsibilist” Epistemology // *Philosophy and Phenomenological Research*. — 1984. — Vol. 45, no. 1. — P. 29–50.
- Fuller S.* If Science is a Public Good, Why Do Scientists Own It? // *Эпистемология и философия науки*. — 2020. — Vol. 57, no. 4. — P. 70–73.
- Greco J.* Religious Belief and Evidence from Testimony // *The Right to Believe : Perspectives in the Religious Epistemology* / ed. by D. Lukasiewics, R. Pouivet. — Frankfurt : Ontos Verlag, 2012. — P. 27–46.
- Intellectual : Perspectives from Ethics and Epistemology* / ed. by M. DePaul, L. Zagzebski. — Oxford : Oxford University Press, 2003.
- Montmarquet J. E.* Epistemic Virtue and Doxastic Responsibility. — Boston : Rowman & Littlefield, 1993.
- Pritchard D., Millar A., Haddock A.* The Nature and Value of Knowledge : Three Investigations. — Oxford : Oxford University Press, 2010.
- Raz J.* The Morality of Freedom. — Oxford : Clarendon Press, 1986.
- Raz J.* The Problem of Authority : Revisiting the Service Conception // *Minnesota Law Review*. — 2006. — Vol. 90. — P. 1003–1044.
- Sosa E.* The Raft and the Pyramid : Coherence versus Foundations in the Theory of Knowledge // *Midwest Studies in Philosophy*. — 1980. — Vol. 5. — P. 3–25.
- Sosa E.* A Virtue Epistemology. Vol. 1 : Apt Belief and Reflective Knowledge. — Oxford : Clarendon Press, 2007.
- Turri J., Alfano M., Greco J.* Virtue Epistemology / *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* ; ed. by E. N. Zalta. — 2019. — URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/epistemology-virtue/> (visited on Jan. 10, 2022).
- Zagzebski L.* Virtues of the Mind : An Inquiry Into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge. — New York : Cambridge University Press, 1996.
- Zagzebski L.* The Search for the Source of Epistemic Good // *Metaphilosophy*. — 2003. — Vol. 34, no. 1/2. — P. 12–28.
- Zagzebski L.* Exemplarist Virtue Theory // *Metaphilosophy*. — 2010. — Vol. 41, no. 1/2. — P. 41–57.
- Zagzebski L.* Epistemic Authority : A Theory of Trust, Authority, and Autonomy in Belief. — Oxford : Oxford University Press, 2012.
- Zagzebski L.* Epistemic Authority and Its Critics // *European Journal for Philosophy of Religion*. — 2014. — Vol. 6, no. 4. — P. 169–187.

Boytsova, O. Yu., and S. A. Khmelevskaya. 2022. "Obosnovaniye epistemicheskogo avtoriteta [Justification of Epistemic Authority]: potentsial liberal'noy modeli responsabilizma [The Potential of the Liberal Model of Responsibilism]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (3), 157–180.

OL'GA BOYTSOVA

DOCTOR OF LETTERS IN POLITICAL SCIENCE, PROFESSOR
M. V. LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-8284-8915

SVETLANA KHMELEVSKAYA

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY, PROFESSOR
M. V. LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-0119-405X

JUSTIFICATION OF EPISTEMIC AUTHORITY THE POTENTIAL OF THE LIBERAL MODEL OF RESPONSIBILISM

Submitted: Oct. 04, 2021. Reviewed: Nov. 25, 2021. Accepted: Feb. 10, 2022.

Abstract: The article attempts to comprehend the justification of epistemic authority in the liberal model of responsibilism in order to determine the heuristic potential of the argumentation proposed within its framework, as well as to show the problem fields promising for the conceptualization of epistemological authority. The model's advantages are revealed, among which is (1) an attempt to explain the mechanism of action of authority; (2) to identify how authorities are ranked in the case of their competitive interaction; (3) to highlight the grounds for subordination to authority on the part of an individual. The existing disadvantages of the model are ignoring the content of epistemic authority, abstracting from the conditions in which the mechanism of trust is formed, and neglecting the principles that determine the choice between epistemic authorities. It is proved that the desire to build a non-classical epistemology as a system of forms of comprehension of being, functioning on a single epistemological basis, when justifying epistemic authority leads either to formalism or to the reduction of one form of comprehension of being to another. The understanding of the cognizing subject — per the epistemological virtues recognized in the liberal model of responsibilism — as an "honest, rational, autonomous actor" is evaluated as an ideal model built on solid assumptions. The problems of competition of epistemic authorities in modern society and the change of the place of science in this confrontation, which is raised by responsibilism, are among the promising tasks of the study.

Keywords: Epistemology, Virtues, Virtue Epistemology, Responsibilism, Linda Zagzebski, Epistemic Authority, Forms of Comprehension of Being.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-3-157-180.

REFERENCES

- Alfano, M. 2012. "Expanding the Situationist Challenge to Responsibilist Virtue Epistemology." *The Philosophical Quarterly* 62:223–249.
- Anscombe, G. E. M. 1958. "Modern Moral Philosophy." *Philosophy: The Journal of the Royal Institute of Philosophy* 33 (124): 1–19.
- Aristotle. 1983. *Nikomakhova etika [Nicomachean Ethics]* [in Russian]. In vol. 4 of *Sochineniya [Collected Works]*, by Aristotel' [Aristotle], trans. from the Ancient Greek by I. V. Braginskaya, 53–294. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.

- . 1984. "Bol'shaya etika [Magna Moralia]" [in Russian]. In *Aristotel' [Aristotle] 1983*, 295–374.
- Baudrillard, J. 2015. *Simulyakry i simulyatsii [Simulacres et simulation]* [in Russian]. Trans. from the French by A. A. Kachalov. Moskva [Moscow]: Postum.
- Code, L. 1984. "Toward a 'Responsibilist' Epistemology." *Philosophy and Phenomenological Research* 45 (1): 29–50.
- DePaul, M., and L. Zagzebski, eds. 2003. *Intellectual: Perspectives from Ethics and Epistemology*. Oxford: Oxford University Press.
- Feyerabend, P. 1986. *Izbrannyye trudy po metodologii nauki [Selected Works on the Methodology of Science]* [in Russian]. Trans. from the English by A. L. Nikiforov. Moskva [Moscow]: Progress.
- Fuller, S. 2020. "If Science is a Public Good, Why Do Scientists Own It?" *Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology & Philosophy of Science]* 57 (4): 70–73.
- Gasparov, I. G. 2017. "Epistemicheskiy avtoritet i avtonomiya epistemicheskogo sub'yekta [Epistemic Authority and Autonomy of the Epistemic Subject]" [in Russian]. *Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology & Philosophy of Science]* 53 (6): 108–122.
- Greco, J. 2012. "Religious Belief and Evidence from Testimony." In *The Right to Believe: Perspectives in the Religious Epistemology*, ed. by D. Lukasiewics and R. Pouivet, 27–46. Frankfurt: Ontos Verlag.
- Guseynov, A. A. 2003. *Antichnaya etika [Ancient Ethics]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Gardariki.
- Ivin, A. A. 2018. *Aksiologiya [Axiology]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Yurayt.
- Karimov, A. R. 2017. "Vyzov situatsionizma dlya epistemologii dobrodetey [Situationism's Challenge to the Epistemology of Virtues]" [in Russian]. *Vestnik Vyat'skogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta [Herald of Vyatka State University]*, no. 11, 10–15.
- . 2019. *Epistemologiya dobrodetey [A Virtue Epistemology]* [in Russian]. CPb.: Aleteya.
- Khmelevskaya, S. A. 1997. *Sistema form postizheniya bytiya [The System of Forms of Comprehension of Being]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Voyennyi universitet.
- Lektorskiy, V. A. 2001. *Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya [Classical and Non-classical Epistemology]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Editorial URSS.
- Momdzhyan, K. Kh. 2013. *Sotsial'naya filosofiya. Deyatel'nostnyy podkhod k analizu cheloveka, obshchestva, istorii. Ch. 1 [Social Philosophy. Activity-based Approach to the Analysis of Person, Society and History. Part 1]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Montmarquet, J. E. 1993. *Epistemic Virtue and Doxastic Responsibility*. Boston: Rowman & Littlefield.
- Peirce, C. S. 2000. "Zakrepleniye verovaniya [The Fixation of Belief]" [in Russian]. In *Izbrannyye filosofskiyе proizvedeniya [Selected Philosophical Works]*, trans. from the English by K. O. Golubovich, K. K. Chukhruidze, and T. A. Dmitriyev, 234–265. Moskva [Moscow]: Logos.
- Porus, V. N. 2021. "Na puti k reforme sistemy epistemologicheskikh tseye i tsennostey [Towards the Reform of the System of Epistemological Goals and Values]" [in Russian]. *Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology and Philosophy of Science]* 58 (2): 34–42.
- Pritchard, D., A. Millar, and A. Haddock. 2010. *The Nature and Value of Knowledge: Three Investigations*. Oxford: Oxford University Press.
- Raz, J. 1986. *The Morality of Freedom*. Oxford: Clarendon Press.
- . 2006. "The Problem of Authority: Revisiting the Service Conception." *Minnesota Law Review* 90:1003–1044.

- Simon, H. A. 1993. "Ratsional'nost' kak protsess i produkt myshleniya" [in Russian], trans. from the English by K. B. Kozlova and M. A. Blanko. *Thesis*, no. 3, 16–38.
- Sosa, E. 1980. "The Raft and the Pyramid: Coherence versus Foundations in the Theory of Knowledge." *Midwest Studies in Philosophy* 5:3–25.
- . 2007. *A Virtue Epistemology. Vol. 1: Apt Belief and Reflective Knowledge*. Oxford: Clarendon Press.
- Turri, J., M. Alfano, and J. Greco. 2019. "Virtue Epistemology." Ed. by E. N. Zalta. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Accessed Jan. 10, 2022. <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/epistemology-virtue/>.
- Zagzebski, L. 1996. *Virtues of the Mind: An Inquiry Into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge*. New York: Cambridge University Press.
- . 2003. "The Search for the Source of Epistemic Good." *Metaphilosophy* 34 (1–2): 12–28.
- . 2010. "Exemplarist Virtue Theory." *Metaphilosophy* 41 (1–2): 41–57.
- . 2012. *Epistemic Authority: A Theory of Trust, Authority, and Autonomy in Belief*. Oxford: Oxford University Press.
- . 2014. "Epistemic Authority and Its Critics." *European Journal for Philosophy of Religion* 6 (4): 169–187.
- . 2017. "Epistemicheskiy avtoritet. Sovremennaya liberal'naya zashchita [Epistemic Authority]" [in Russian], trans. from the English by K. V. Karpov. *Epistemologiya i filosofiya nauki* 53 (3): 92–107.